
МУРЗИЛКА
№-12
Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов
ДЕКАБРЬ 1950

ЯНКА КУПАЛА

ТЕБЕ, НАШ УЧИТЕЛЬ!

Я вижу повсюду — на фабриках, в сёлах, —
Как радость идёт по дороге раздольной.
И слышу раскаты я песен весёлых,
И сердце моё подпевает невольно...

Плывут по морям корабли,
Плывут между рифов и скал.
И реки иначе легли,
И лёг за каналом канал.

Огни золотые горят,
Ни ветер не страшен, ни мгла:
То светят, не зная преград,
Твои, наш учитель, дела...

На все времена и для всех поколений
Закон твой звездой путеводною будет,
Звездою желаний, звездою стремлений,
Звездою, дающей уверенность людям...

Перевёл с белорусского М. Исаковский

Иосиф Виссарионович
СТАЛИН.

Елена ИЛЬИНА *Рис. Ю. КОРОВИНА*

В МУЗЕЕ

Из повести «Всегда готовы»

Вместе со своей старшей вожатой, Надеждой Ивановной, отряд 4-го класса «А» вошёл парами в гулкий вестибюль Музея революции.

Все поднялись по лестнице и тихонько пошли по залам, где выставлены подарки Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Отойдя в сторонку, Настя Озерова записала на листочке блокнота: «Понравилась вышитая гладью скатерть. Левая сторона такая же красивая, как правая», «Понравился вышитый портрет Иосифа Виссарионовича».

Другие девочки тоже кое-что записывали на листочках, а Катя Снегирёва ничего не писала, но зато подолгу смотрела на каждый подарок. Всё манило и притягивало к себе игрой красок, тонкостью работы.

— Надежда Ивановна, девочки! Да вы только посмотрите: Спасская башня Кремля! — сказала Катя. — Ну прямо в точности!

Надежда Ивановна и Катины подруги подошли поближе.

Спасская башня, и правда, была точь-в-точь как настоящая. С четырёх сторон поблёскивали золотые стрелки круглых часов, а на самом верху ярким рубином горела алая звёздочка.

— Девочки, — тихо и серьёзно сказала Надежда Ивановна, — эти часы заводятся раз в неделю. Каждые пятнадцать минут они играют мелодию, каждый час отбивают бой, а в двенадцать часов дня и в двенадцать часов ночи играют «Интернационал». Через две минуты часы заиграют. Давайте послушаем.

Все притихли в ожидании. И только у одной Иры Ладыгиной, как всегда, нехватило терпенья.

— А из чего сделана башня? — спросила она.

— Из особого стекла, — шопотом ответила Надежда Ивановна. — Тише. Вот сейчас...

Все затаили дыхание, и в тот же миг раздались звуки кремлёвских курантов. Девочки заулыбались, слушая эту знакомую переливчатую мелодию.

— Всё! — весело сказала Ира, как

только часы доиграли до конца. — Идёмте дальше.

Но всем остальным девочкам ещё хотелось постоять немножко возле Кремля и посмотреть, как покачиваются наверху в башне маленькие колокольчики.

— Девочки, — позвала Надежда Ивановна, подойдя к витрине, — посмотрите, какой тут выставлен замечательный подарок от комсомольцев Армении! Резьба по слоновой кости.

Девочки подошли и увидели небольшой мраморный постамент, а на нём — желтоватый шарик величиной с яблоко.

— Этот шарик, — сказала Надежда Ивановна, — вырезан из цельного куска слоновой кости. Присмотритесь к нему получше, и вы увидите изображение гербов, скреплённых друг с другом. Это гербы шестнадцати республик нашей страны. А над ними всеми — герб Советского Союза.

Девочки прильнули к стеклу, пристально разглядывая тончайшую резьбу.

— Ой, смотрите! — вскрикнула Настя. — Там, в шарике, кремлёвская башня! Вся из слоновой кости. И буквы — «СССР». А на одной пластиночке — Гимн Советского Союза.

— Где? Где? — раздались кругом нетерпеливые голоса.

Все стали по очереди смотреть сквозь отверстия между гербами на то, что было спрятано в сердцевине шарика. Там, внутри, и на самом деле, виднелась крошечная Спасская башня со звёздочкой и виднелись четыре буквы — «СССР», вырезанные из слоновой кости, а снаружи на пластинке были вырезаны крошечными буквами первые строки Гимна.

Когда все вдоволь насмотрелись, Надежда Ивановна негромко сказала:

— Знаете, девочки, что хотели выразить комсомольцы, когда задумали смастерить этот шарик? То, что все народы нашей родины крепко дружат между собой, что они тесно сплотились, примкнули друг к другу, как вот эти гербы в шарике, и всем им одинаково светят кремлёвские звёзды.

Кругом были выставлены подарки, присланные со всех уголков нашей родины, и девочкам казалось теперь, что все народы нашей страны встретились здесь, в этих залах.

В одном зале во всю стену, от пола до потолка, протянулся пёстрый, нарядный ковёр, вытканный руками казахских женщин, в другом — ковёр из Туркмении, а дальше — отороченный мехом коврик, на котором школьники-нанайцы из небольшого селения Нижние Халбы Хабаровского края изобразили, как смелый и ловкий мальчик-охотник одолевает копьём медведя.

— А Сталин видел эти подарки? —

спросила самая маленькая из Катиных подруг, Нана Елецкая.

— Конечно, видел, — сказала Надежда Ивановна.

— И всё отдал музею?

— Отдал музею, чтобы все видели, какие умелые руки смастерили эти чудесные вещи. Чтобы мы все любовались и радовались.

Надежда Ивановна слегка нагнулась, разглядывая выставленную внизу за стеклом большую книгу.

— Смотрите, девочки, — сказала она,— в этой книге все страницы из шёлка. А буквы не написаны и не напечатаны, а вышиты!

И Надежда Ивановна рассказала своим пионеркам, что поэты Белоруссии выразили здесь в стихах благодарность и любовь всего белорусского народа к товарищу Сталину, а вышили эти строки семьдесят лучших белорусских вышивальщиц.

Девочки пошли смотреть другие подарки, а Настя всё ещё не могла наглядеться на шёлковые раскрытые страницы сказочной книги, на вышивку узоров, строк и закладок.

— Настенька! — позвала подругу Катя. — Смотри, какие цветы вырезаны из дерева!

На стеклянной полочке витрины стояла тонкая ваза, похожая на распустившийся тюльпан, а из вазы поднимался букет цветов, тоже вырезанный из дерева. Тут были и ромашки, и колосья, и листья, и казалось, что всё это — настоящее, живое, и как будто от этих цветов и колосьев пахнет полем и летом. Но только можно было подумать, что под лучами палящего солнца букет немножко подсох и пожелтел.

Девочки разглядывали со всех сторон этот удивительный букет, в который было вложено столько любви и мастерства.

А тем временем Надежда Ивановна читала вполголоса письмо, выставленное за стеклом:

— «Дорогой Иосиф Виссарионович!

Пишет Вам учащийся третьего года обучения Художественного ремесленного училища города Москвы... Я вырезал из цельной русской берёзы обыкновенным учебным инструментом букет разных цветов с натуры, выезжая в выходные дни в поле. В этот букет я старался вложить всё своё мастерство и умение, приобретённые под руководством мастера в ремесленном училище.

Дорогой мой отец и любимый вождь народа, разрешите мне в день Вашего рождения преподнести Вам мой скромный подарок — этот букет цветов... Я обещаю Вам отлично овладеть своей профессией и после окончания училища отдать все свои силы любимому труду, с тем чтобы наша советская Родина, наш народ шли быстрее к коммунизму».

Надежда Ивановна кончила читать письмо.

— Вы видите, девочки, — сказала она, — как дрожат эти цветы и бутоны?

Цветы и на самом деле чуть заметно дрожали, словно легонько кивая всем, кто проходил мимо.

— А почему это? — спросили девочки.

— Такая уж тонкая работа. Когда мы ходим, пол незаметно колеблется, и это передаётся цветам. А знаете, сколько их здесь — цветов, листьев, колосьев? Сто четыре!

— Неужели их так много? А вы разве считали?

— Я не считала, — ответила Надежда Ивановна, — но знаю. Мне говорили.

Девочки ещё немного постояли молча у вазы с цветами и отошли, думая всё о том же: как же можно было вырезать столько цветов, да ещё так тонко?

«...Обещаю отлично овладеть своей профессией», — вспомнились Кате слова из письма. — Неужели можно сделать такой букет ещё лучше?»

И, подойдя к Надежде Ивановне, она спросила её:

— Зачем же ещё учиться этому замечательному мастеру?

— Учиться можно всю жизнь, — ответила задумчиво Надежда Ивановна, остановившись возле хрустального столика, играющего всеми цветами радуги.

Долго ещё в этот день ходили девочки по залам, где их встречали всё новые и новые чудеса.

И каждый из этих подарков как будто сам рассказывал им о крепкой дружбе народов нашей страны и о безграничной любви к великому Сталину.

А. БАРТО

Рисунки учеников Московской средней художественной школы: Вити Мясникова, Жени Данильцева, Андрея Борисоглебского, Коли Юдина.

ПЕТЯ РИСУЕТ

Художник на терраске
Размешивает краски.

Яркие краски
Художнику нужны.
Зелёная краска
Нужна для весны.

Очень хорошая краска —
Оранжевая!
Солнце сияет,
Небо загораживая.

Расходятся в стороны
Сотни лучей,
Каждый луч —
Шириной в ручей!

Оранжевые дыни
Рисует он в альбоме.
Он был на Украине,
Гостил у деда в доме.

Идёт по всей странице
Высокая пшеница,
И на уборке хлеба
Колхозник-бригадир
Подписывает первый
Воззвание за мир.

Синий тоже нужный
И хороший цвет, —
Для природы южной
Лучшей краски нет.

Стоит под синим небом
Высокая скала.
В Крыму художник не был,
Но мама там была.

Сколько красок разных
Есть на белом свете!
Тюбик с чёрной краской
Тоже нужен Пете.

— Чёрную краску
Лучше не брать! —
Танюша даёт совет. —

Только испортишь
Свою тетрадь!
Зачем тебе чёрный цвет?

Петя не маленький!
Он пионер,
Был он в колхозе
Всё лето.
Он говорит:
— А земля, например,
Тоже ведь чёрного цвета?

На Украине у нас чернозём,
Растёт золотая пшеница на нём.

* * *

Листья жёлтые летят.
Осень... Листьев полон сад,
Листья на террасе.
В классе школьники сидят.
Петя тоже в классе.

Сегодня мальчикам рассказ
Вожатая читала,
Сегодня слушал третий класс
О странах капитала.

Пришёл домой художник наш
И взял тетрадь и карандаш.

Стоит многоэтажный дом
В Америке, в столице,
Он помещается с трудом
В тетрадке на странице.

И здесь, на этом же листе,
Лачуги жмутся в тесноте.

Здесь, на рисунке этом, нет
Ни скверика, ни сада!
Решает Петя: в чёрный цвет
Рисунок красить надо!

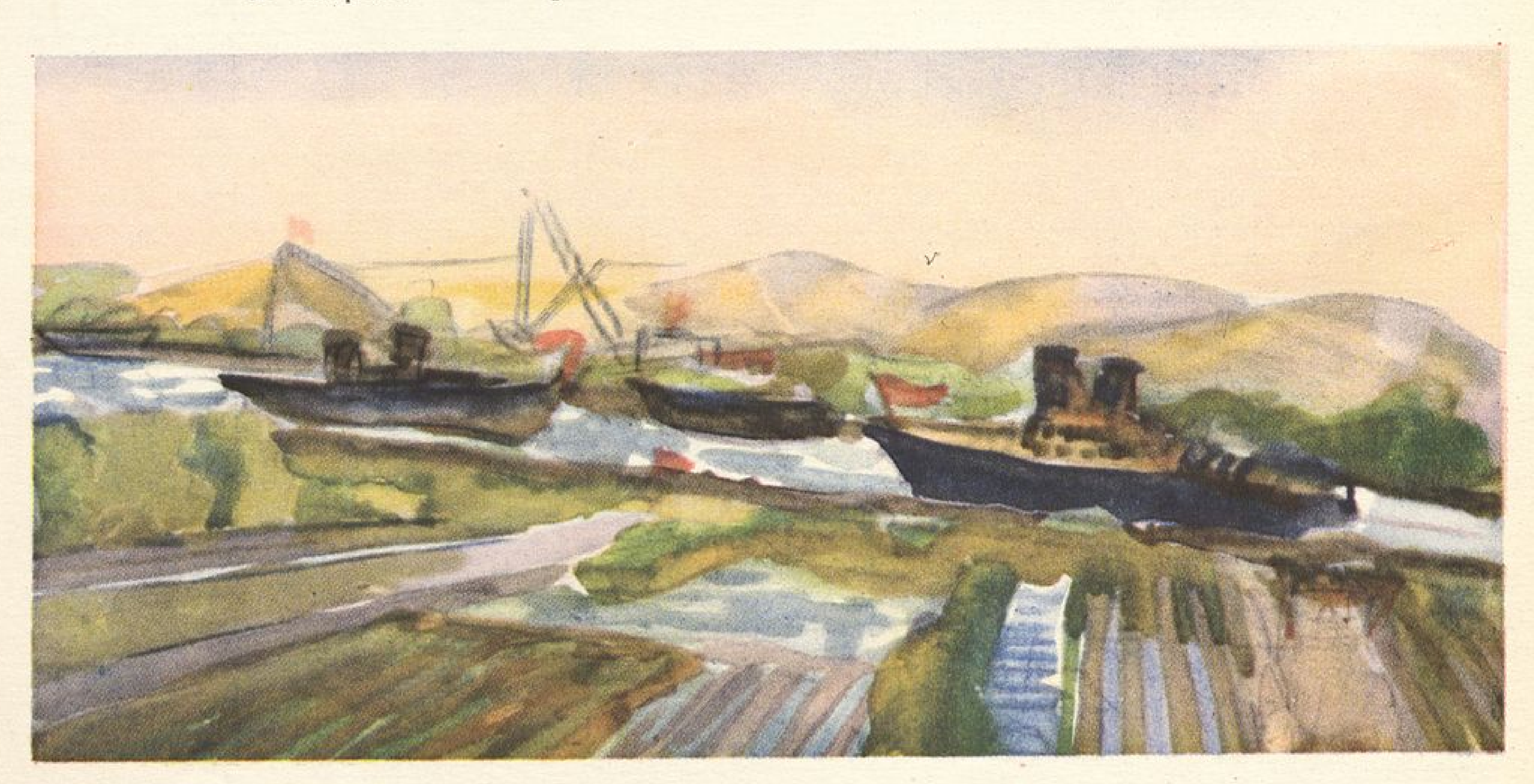
Тут тюрьма!
Полицейский в каске!
Тут нельзя
Без чёрной краски!

Зовёт он младшую сестру
(Танюша — в первом классе).
Она глядит: — Не разберу,
Кого ты так раскрасил?

Что тут за люди?
Чей портрет?
Ты что это придумал? —
А он в ответ:
— Людей тут нет!
Тут нарисован Трумэн.

Показал рисунок свой
И соседу Петя.
Сосед сказал, что как живой
Трумэн на портрете.

— Он похож, — сказал сосед, —
Но для чёрных дел

Даже этот чёрный цвет
Тоже слишком бел.

— Постой,—сестра не поняла,—
Что значит — чёрные дела?

У Пети в тетрадке
Летит самолёт,
Ворвался,
Как чёрный смерч.
Это в Корею
Трумэн шлёт
Детям корейским смерть.

Лётчик летит
Не над полем боя,
Бегущих детей
Он настиг в пути.

Дети бегут,
Их осталось двое,
Им этот хищник
Не даст уйти!

Ревёт самолёт
Среди бела дня,
Над рисовым полем
Повис.

В поле — воронка,
Столбы огня:
Бомба сброшена вниз.

Петя рисует: сидит банкир,
А рядом — семья банкира.
Они не дадут свою подпись за
мир,
Все они против мира!

Это они затевают войну,
Сидя спокойно дома.
Петя сказал:—Я их всех зачеркну.
Вырву я их из альбома.

Таня сказала:—Испортил
тетрадь,
И всё из-за чёрного цвета!
Я говорила: зачем его брать?
Выбросим краску эту!

Не нужно нам чёрной краски!
Сделай землю цветной!
Пусть засверкают, как в сказке,
Краски все до одной!

Петя сказал: — Согласен! —
Взял два чистых листа.

Петя сказал: — Раскрасим
Землю во все цвета.

* * *

Пусто на этой странице...
Пустыня, песок сплошной,
От ветра он будто дымится...
Пустыня... Палящий зной...

Петя широкую синюю
Линию нарисовал —
Это канал в пустыне,
Это гигантский канал.

Не будет безводных степей,
Изменит канал природу,
Скажет: «Пожалуйста, пей
Прозрачную, чистую воду!»

Сады расцветут в пустыне,
Появятся тут весной
Зелёная, жёлтая, синяя
Краски — все до одной.

Отсюда по новой трассе
Пойдут корабли на Каспий,
И школьник получит двойку,
Если про новую стройку
Плохо ответит в классе.

Плывут корабли на Каспий,
Солнце пылает вдали,
Петя по новой трассе
Сам поведёт корабли.

Волны на солнце плещут,
Красные флаги блещут,
Заняли пол-листа.
Краска сверкает красная!
Эта краска прекрасная,
Лучше, чем все цвета!

На стройках — красные флаги!
(Какую ни взять тетрадь,
Пете нехватит бумаги
Все стройки нарисовать.)

Вот развернулось
У Пети в тетради
Красное знамя
На мирном параде.

Не сосчитаешь
Ярких полотнищ!
В красных знамёнах
Красная площадь.

За мир голосует Сталин,
За то, чтоб на целом свете,
В каждом рабочем квартале
Счастливы были дети.

— Знаешь, я что нарисую? —
Петя придумал вдруг. —
Это за мир голосуют
Тысячи поднятых рук.

Он красит красной краской
Звезду на башне Спасской.

Рис. Н. ЖУКОВА

САНИ

Нам вчера купили сани.
Мы кататься будем сами!

МУХА

Я встаю—она садится,
Я сажусь—она кружится.

В СВОЁМ УГЛУ

В уголок Алёнка села:
У Алёнки много дела.

Сергей МИХАЛКОВ

Посмотришь на эту картинку, и кажется сначала, что нет тут ничего особенного. По всей нашей огромной стране так же бегут гружёные платформы, такие же машины, срывая горы земли, готовят строительные площадки для новых домов и заводов, такие же пароходы тянут баржи с грузами по бесконечным голубым дорогам советских рек.

Но приглядись хорошенько и запомни эту картинку, потому что стройка, которую здесь начали большевики, не обычная, а великая стройка, и река не обычная, а великая река Волга-матушка.

Вон она как разлилась — едва виден тот берег! И люди на берегу — видишь, какие крошечные! Кажется, где им совладать с такой могучей рекой.

А совладают! Скоро совладают! Ты ещё будешь учиться в школе, а советские люди уже перехватят реку высокой плотиной, остановят стремительный бег воды, поставят тут самую мощную в мире электростанцию и заставят Волгу работать на

Рис. В. БОГАТКИНА

счастье нашему народу. Миллионы новых электрических огней загорятся над советской землёй. Тысячи электрических поездов побегут по новым мостам и дорогам, тысячи электрических насосов поднимут волжскую воду и бросят туда, где сейчас знойные ветры сушат всё живое. Зелёные сады зацветут в заволжских степях, зелёные поля зашумят там, где сейчас сверкают на солнце бесплодные солончаки, новые прекрасные города вырастут в пустынях, и народы всего мира навсегда запомнят наше славное время — время великих сталинских строек коммунизма.

Запомни и ты это время, запомни это место, откуда начнётся стройка огромной плотины. Запомни простых людей, которые сегодня на крутом сталинградском берегу размечают будущие великие работы. Это те самые советские люди, которые в боях отстояли Сталинград, а сегодня на священной сталинградской земле претворяют в жизнь смелые планы, начертанные великим Сталиным.

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

СЁСТРЫ

Среди ручьёв и родников,
Широких рек и узких
Есть Волга — испокон веков
Краса просторов русских.

От среднерусских городов
Она стремится к югу,
Вздымая множество судов
Своей волной упругой.

А по пустыне Кара-Кум [1]
Путём тяжёлым, долгим
Текла по тёмному песку
Сестра родная Волги.

Бежала с гор Аму-Дарья
По склонам Гиндукуша

И по равнине, где, горя,
Томилась жаждой суша.

И в те далёкие века,
Завистникам на горе,
Встречалась русская река
С сестрой в Каспийском море.

Хранит легенда до сих пор,
Что утренней порою
Не раз душевный разговор
Вела сестра с сестрою.

Родная Волга, дочь полей,
Немало песен знала,
Аму-Дарье, сестре своей,
Их часто напевала.

Журчала тихо всякий раз
Аму-Дарья-сестра,

[1] Кара-Кум — по-русски значит чёрные пески. Так называется огромная безводная пустыня в Средней Азии.

Что родника живой алмаз
Ей дарит мать-гора.

А на Каспийском берегу,
Под небосводом синим,
Подобно хищному врагу,
Носился царь пустыни.

Тот царь, как все цари земли,
Добро терпеть не мог.
Мечтал он, чтоб весь мир в пыли
Лежал у царских ног.

Царь—ветер знойный—в те лета
Грозил всё в мире сжечь
И над пустынею летал,
Крутя песчаный смерч.

Он рек весёлых не любил.
Узнав их разговор,
Он в сердце думу затаил:
Разъединить сестёр!

Аму-Дарья, царю на страх,
Пустыню пробивала,
Трава росла на берегах,
Она ей пить давала.

Царь над землёю нависал
Угрюмой чёрной тучей
И на Аму-Дарью бросал
Пески ордой сыпучей.

И та орда речную грудь
Брала в тиски, сжимала.
Но, пробивая новый путь,
Река в обход бежала.

А каракумские пески,
Озлясь, ночей не спали,
На русло новое реки
Упрямо наступали.

* * *

В те поры землями владел
Боярин-лиходей.
У власти лютый царь сидел,
Душитель всех людей.

Держала царская рука
Народ в нужде и горе.
И царь толкал во все века
Людей к вражде и ссоре.

Кипела на земле вражда, —
Всяк царь войной грозился.
И за Аму-Дарью тогда
Никто не заступился.

И вот река изнемогла
В тяжёлом долгом споре
И в русло новое легла —
Пошла в другое море.

Без влаги трескалась земля,
Всё зноем выжигало,
И плодородные поля
Песками засыпало.

* * *

Так шли года. Но наш народ, —
Тому уж много лет, —
Прогнал царя и царский сброд —
У нас давно их нет.

И дружба всех людей труда
Зажглась великим светом,
Как путеводная звезда,
Звезда Страны Советов.

В стране, что выгнала царей,
Решил народ: отныне
Не может быть ни пустырей,
Ни выжженной пустыни.

Чтоб человек счастливым был,
Нам всё в избытке надо:
Чтоб много яблок сад родил
И много винограда.

Вступили мы с пустыней в бой.
И вот уже парят
Знамёна славы трудовой
Строительных бригад.

Чтоб зной полям не страшен стал,
Не страшны стали ветры,
Пройдёт пустынею канал
На сотни километров.

Чтоб там, где раньше без воды
Растения сгорали,
Цвели колхозные сады,
Луга росой сверкали,

И рощи влагу берегли,
А в них шумели птицы,
Чтоб в Кара-Кумах зреть могли
Поля густой пшеницы.

И там, где лишь пески мело
Да ветер выл на воле,
От хлопка было бы бело
На орошённом поле.

Отступят чёрные пески
По нашему веленью!
И повели большевики
В пустыне наступленье.

* * *

Упрямый, боевой народ!
Пустыня не страшит:
Машины двинулись в поход,
Бульдозеры, ковши.

Через сыпучие пески
Спешат со всех сторон
К участкам будущей реки
Ряды автоколонн.

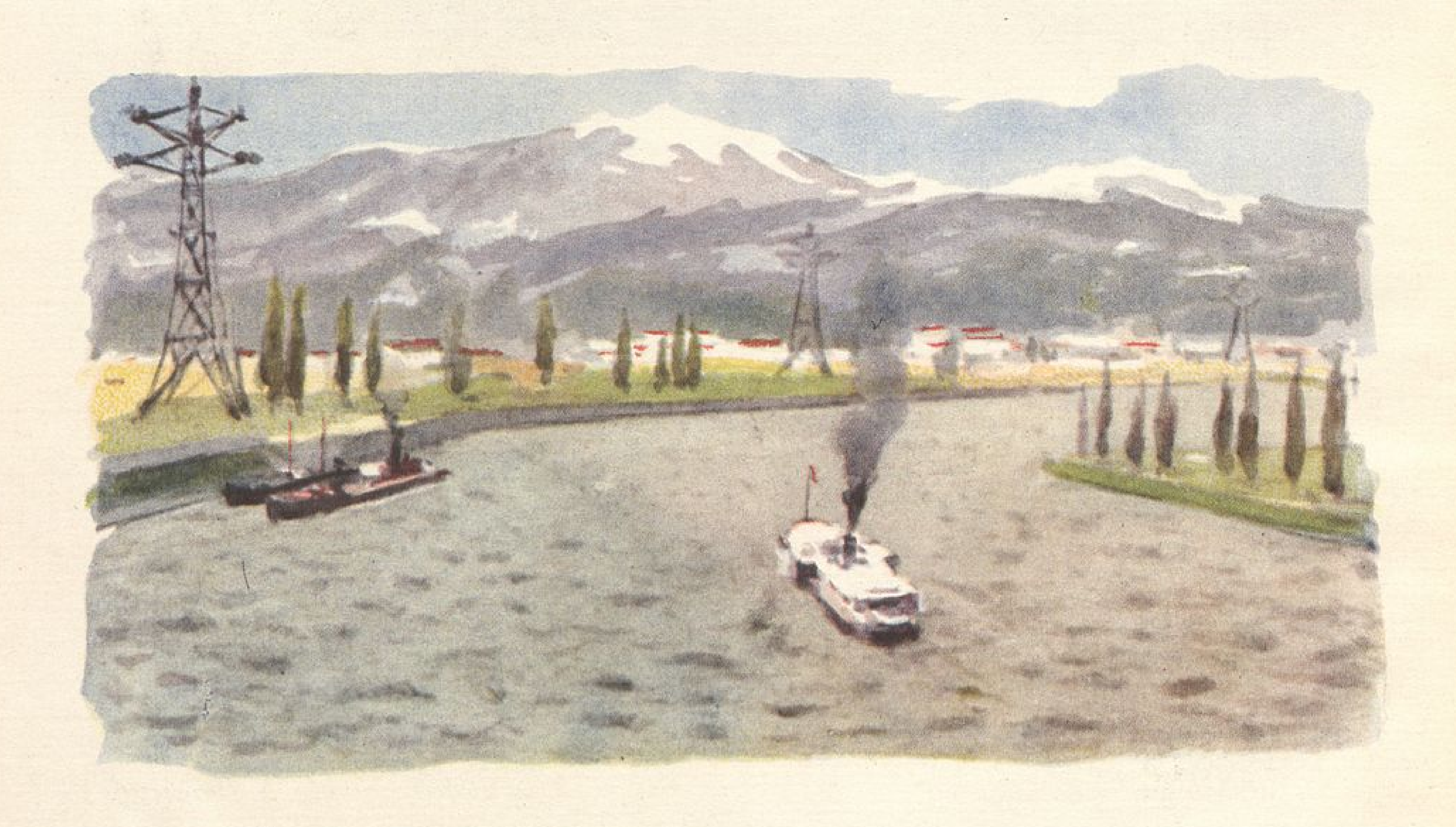
По воле нашего труда
Заблещет на просторе
Амударьинская вода
В Каспийском синем море.

Упорству нашего труда
Пустыня покорится,
И с Волгой встретится тогда
Аму-Дарья-сестрица.

Через пески пройдёт вода,
Как свет живой зари,
Из Волги двинутся суда
В канал Аму-Дарьи.

И этой сказочной поры
Нам ждать уже недолго:
Начнут беседу две сестры —
Аму-Дарья и Волга.

И запоёт сестре сестра
Гудками пароходов,
Как расцветает мирный край
И дружба всех народов.

Н. УСТИНОВИЧ

ЗИМА

ПОРОША

Со вчерашнего дня начал валить снег и перестал только сегодня утром. Гололедица кончилась.

На зорьке я вышел за деревню и здесь, словно по книге, прочёл утреннюю жизнь лесной опушки.

Вот между кустов неторопливо пробежал заяц. Он «жировал» всю ночь на огородах, где осталось немало капустных кочерыжек, и теперь, сытый, возвращался в лес. Запутывая следы, беляк сделал на полянке искусную «вздвойку», с разбегу прыгнул в заросли шиповника и, продолжая петлять, скрылся в мелколесье.

А дальше снег прострочила ровной двойной строчкой мышь. И едва она отбежала от своей норки, как её заметила сидящая на дереве ворона. Уронив с ветки ком снега, птица ринулась вниз, но мышь во-время юркнула под колодину. Ворона, сердито потоптавшись на снегу, улетела.

Проходя вдоль опушки, я ещё встретил следы, оставленные снегирями, колонком, лаской...

ПТИЧЬЯ «СТОЛОВАЯ»

Дети укрепили квадратный лист фанеры на тополе, между сучьев, и насыпали на него хлебных крошек.

Первыми заметили «столовую» воробьи. С радостным чириканьем налетели они отовсюду на тополь и тотчас же затеяли драку.

Потом во дворе у нас появились робкие синички, красногрудые снегири и много разных других птиц. Они «пировали» до самой темноты и почти не боялись детей, когда те подсыпали им пищу.

Рис. В. ТРОФИМОВА

А. ШАХОВ

БЕЛУХА

Море было уже близко. После завтрака мы сняли палатку, запрягли в нарту оленей и направились на северо-запад. К полудню мы достигли Карской зимовки, рядом с которой находилась охотничья база.

Около кооператива стояли оленьи упряжки: это приехали ненцы-оленеводы за продуктами. Тут же, на берегу моря, сидело несколько русских охотников. Они только что сошли с парохода и оживлённо разговаривали.

Мы поздоровались с ними и уселись рядом.

В это время около берега, среди волн с белыми гребнями, показалась круглая голова. Посмотрела на нас умными глазами, сжимая и расширяя круглые чёрные ноздри, и пропала. Потом опять показалась, но уже дальше. Это был морской заяц.

Один из охотников, ещё совсем молодой, побежал в дом, принёс винтовку.

— Не стреляй: убьёшь — утонет, не достанешь, — сказали ему другие.

Но юноша не послушался. После десятка выстрелов заяц исчез.

Пожилой охотник, местный старожил, широкоплечий, с большой русой бородой, в кожаной шляпе, сказал стрелявшему:

— Это тебе не белуха, не всегда попадёшь. Да и белуху на воде не убьёшь. А почему? Во-первых, махина какая, пудов на сто — сто двадцать, маленькой пулей не сразу свалишь. Во-вторых, у неё под кожей толстый слой жира. Убить её на воде можно, если попасть в «дыхало». Я по первому разу стрелял-стрелял в белуху — ничего не выходило, а потом научили: надо стрелять не в неё, а дальше... Напугавшись, она к берегу прижимается, совсем близко подходит, — вот тогда и бей. Бывало, что и на мель выбрасывалась. А видели, как белухи охотятся за рыбой?

— Нет, — ответил я.

— Ох, хитрые звери! Соберутся в стаю, рассыплются цепью и гонят рыбу в какую-нибудь западню — в бухту или залив. Там разом, как воронье на падаль, набрасываются, и рыбы в момент как не бывало. Только белухи с детёнышами отстают. Им белушата мешают. Детёныш лежит у матери на спине. Он ещё грудной — молоком питается, а весом уже пудов на пять.

Охотник рассказывал, что белуха достигает в длину пяти метров и вся она блестяще-белая, почему и называется белухой.

Я, слушая его, смотрел на воду: не покажется ли опять морской заяц? В это

время с моря до нас долетел короткий крик, похожий на слабое мычание быка.

Старый охотник замолк и насторожился. Его товарищи тоже прислушались. Море к этому времени успокаивалось — волна была небольшая. Крик не повторялся.

— А ведь это белуха крикнула, — сказал охотник, продолжая напряжённо смотреть на море.

Немного погодя он продолжал:

— Ну да, она. Давно их не было тут. — И протянул руку вперёд.

Вдали я увидел небольшой фонтан, и вслед за ним на широкой волне показалась спина белухи. Через несколько секунд она скрылась — и скоро снова появился фонтан.

— Не может быть, чтобы она была одна, — заметил старый охотник.

— Вот они! — порывисто воскликнул тот юноша, который стрелял в морского зайца, и показал пальцем на море, далеко влево от одинокой белухи.

Мы все повернули туда головы. В том месте море было покрыто фонтанами воды и белыми спинами морских громадин. Большой косяк белух шёл вдоль берега к Ямалу.

— Айда, ребята! — воскликнул старый охотник. — Попытаем счастья. Может быть, белухи где-нибудь близко от берега будут охотиться за рыбой. Там мы их и пристукаем.

Охотники снарядились и поспешно пошли берегом. Мы отправились на зимовку.

Возвратились охотники в полночь. Далеко от зимовки они убили одну белуху, но вытащить её на берег нельзя было. Утром поплыли за ней на лодке.

Р. НИГЯР *Рис. И. БЕК*

ОТВЕТ СОЛНЦА

На сверкающем сазе играя,
Появилась весна молодая,
Воробья с воробьихой согрела
И весёлую песню запела:

«Я весна! Я весна! Я весна!
Очарована мной вся земля.
И примет моих не перечесть —
На цветах моих бабочки есть,
В поле травы и солнечный свет,
Есть стрекозы... Чего только нет!

Я хозяйство своё обойду:
Обласкаю я вишню в саду,
Я сонливых жучков разбужу
И фиалкам цвести прикажу.
Мой блистательный встретив приход,
Будет очень доволен народ,

Поздороваться выйдет со мной
У зелёной опушки лесной.
Столько радости я доставляю,
Что людей каждый год удивляю!
Нет прекраснее времени года!
Больше всех меня любит природа!»

Услыхав рассуждение это,
Возмутилось до крайности лето:

«Пусть весна утверждает хвастливо,
Что она хороша и красива, —
Извините, но я возражаю!
Это я приношу урожаи!
А послушайте птичьи рулады
Под защитой тенистой прохлады!
Не поднять вам тяжёлого груза —
Моего наливного арбуза!

Это я научило наславу
Ребятишек сажёнками плавать.
Начинают при мне колоситься
И овёс, и ячмень, и пшеница.

Я проходы в горах расчищаю
И туриста в поход снаряжаю...
Нет прекраснее времени года!
Больше всех меня любит природа!»

Раскопав огородную грядку,
Осень слово берёт по порядку,
Пожелтевшей листвой шелестит
И, прокашлявшись, так говорит:

«Вы томитесь от зноя, пока
Осень вам не пришлёт ветерка.

Приходите, товарищи, в сад
И попробуйте мой виноград.
Я с большим удовольствием вам
Краснощёкое яблоко дам...
Все ответят, кого мы ни спросим:
Всех богаче прекрасная осень!
До чего дорога я ребятам,
А весна или лето — куда там!
Нет, не снегом покрыта земля, —
Это хлопком белеют поля!..

Вот, сложив аккуратненько книжки,
Направляются в школу детишки, —
По желанью всего народа
Я — начало учебного года!»

Дед Мороз, опираясь о палку,
Приближается к детям вразвалку
И, завьюжив снегами простор,
Начинает такой разговор:

«Ну-с, мои молодые дружки,
Не сыграть ли нам с вами в снежки?
Я принёс вам отличные лыжи,
И коньками я вас не обижу.

Я лучшую ёлку в лесу
Найду и домой принесу, —
Приятно, когда запоёт
Весёлых детей хоровод.

Как мною довольна семья!
Понравился бабушке я,
А кот задыхается — он
Игрою с клубком утомлён.
Он тысячу разных проказ
Уже совершил и сейчас
У печки горячей лежит,
Усами во сне шевелит, —
Он также согласен со всеми:
Зима — это лучшее время!»

Так спорили осень и лето,
Весна и зима до рассвета.
А утром заря заблистала,
И солнце с улыбкой сказало:

«Не спорьте так долго, друзья!
Открою вам истину я.
Известно доподлинно мне:
Считают в Советской стране
И взрослые и малыши,
Вы все для людей хороши!»

Перевёл с азербайджанского **М. СВЕТЛОВ**

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ — *Рис. В. ТРОФИМОВА*

ГУСИ

Из всех птиц, гнездящихся на севере, в тундре, самые умные и дружные — гуси.

Ранней весною возвращаются дикие гуси на север, на свою холодную родину. Стройными косяками летят они с юга над степью, над синей тайгою, над сибирскими широкими реками. На побережье Ледовитого океана, в просторах полярной тундры остаются гуси на лето.

На берегах пустынных северных рек и холодных озёр выводят гуси своих детей. Много опасностей и лишений приходится переносить гусям, ежегодно совершающим далёкие перелёты.

Путешествуя по безлюдному Таймырскому озеру, увидели мы однажды выводок гусей. Два старых гуся: гусак и гусыня, плыли от берега по воде, а за ними торопливо поспевали три крошечных, похожих на пушистые шарики, гусёнка, только что вылупившиеся из яиц.

Заметив моторную лодку, старые гуси стали беспокоиться. Один гусь вытянул шею и, мне показалось, что-то шепнул на ухо крошечным гусёнкам.

«Ныряйте, гусята!» — понял я, о чём шепнул гусь.

Старые гуси поднялись с воды и, расправив сильные крылья, стали делать над озером большой круг.

На моторной лодке мы подъезжали совсем близко к удиравшим изо всех сил маленьким гусятам. Я хотел протянуть руку, но, как по команде, гусята вдруг скрылись под водою. Мы долго смотрели на воду, но маленькие пушистые гусята вынырнули не скоро, далеко от лодки.

— Не будем их больше тревожить! — сказал я рулевому, и мы направили лодку на середину озера.

Тотчас старые гуси вернулись. Я наблюдал из лодки в бинокль, как они спустились на воду и, подплыв к детям, вытянув шеи, что-то радостно заговорили на гусином своём языке.

«Хорошо ныряли, гусята!» — перевёл я гусиную речь.

Для меня самое удивительное было, что маленькие пушистые гусята, едва выбравшись из яиц, уже умели отлично нырять и самостоятельно спасались от опасности.

УКРАСИМ ЁЛКУ

Перед игрой переведите на картон и вырежьте волчок и две фишки. Играют двое.

Начиная игру, поставьте фишки на линии флажков и бус внизу ёлки. Начинающий игру запускает волчок и двигает свою фишку вперёд на столько точек, на сколько покажет волчок.

Остановка фишки на игрушке означает, что игрушка повешена на ёлку. Двигаться можно вперёд и назад, рассчитывая, чтобы фишка остановилась на игрушке. Чтобы не спутаться, какие игрушки повешены на ёлку, играющие закрывают кусочками бумажки такие же игрушки, нарисованные в кружках.

Выигрывает тот, кто первый повесит на ёлку все свои игрушки.

Игру составил Ю. Бугельский

Рис. Н. ЖУКОВА

Сегодня мороз.

Рисунок на обложке А. Лурье. На стр. 3—портрет И. В. Сталина работы художника В. Суръянинова.

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ
Художественный редактор П. Попов. *Рукописи не возвращаются.* *Технич. редактор З. Тышкевич*

Год издания двадцать седьмой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06 Подписано к печати 31/X 1950 г. А07782
2,8 уч.-изд л. Бумага 60×92¹/₈ = 1,5 бум. л.=3 печ. л Тираж 200 000 экз. Заказ 1902

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.